

Галина Артемьева

Юзер

Часть сборника
Чудо в перьях (сборник)

Галина Марковна Артемьева

Юзер

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3088735
Чудо в перьях: рассказы : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-55505-5

Аннотация

«Глупо как-то они познакомились. В кафешке встретил приятеля-фотографа, у которого когда-то подрабатывал. „Зайдем, – говорит, – кофейку тяпнем. Всю ночь туда-сюда, не спал ни минуты, а сейчас вот в журнал тащиться...“

Итон тоже всю ночь жил бодро, тусовался. Фу-ты ну-ты, имя Итон, а? Он сам себя так назвал, еще в шестнадцать лет, в босоногом деревенском детстве. Услышал где-то, понравилось. Не то что Игорем, как мама придумала. Итон – и все балдеют...»

Рассказы Галины Артемьевой – мудрые, тонкие и честные. Все они – о нас, обычных людях, живущих своей привычной жизнью. Это истории о радости и печали, об искушениях и тех обыденных чудесах, которые порой спасают нас в самые тяжелые моменты, о равнодушии и безграничной любви.

Содержание

1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Галина Артемьева

Юзер

1

Глупо как-то они познакомились. В кафешке встретил приятеля-фотографа, у которого когда-то подрабатывал. «Зайдем, – говорит, – кофейку тяпнем. Всю ночь туда-сюда, не спал ни минуты, а сейчас вот в журнал тащиться...»

Итон тоже всю ночь жил бодро, тусовался. Фу-ты ну-ты, имя Итон, а? Он сам себя так назвал, еще в шестнадцать лет. в босоногом деревенском детстве. Услышал где-то, понравилось. Не то что Игорем, как мама придумала. Итон – и все балдеют. В Москве тоже все поначалу балдели, спрашивали – в каком, мол, смысле – Итон? Он отвечал – в прямом. Круто получалось. Какая-то родословная вырисовывалась. Сразу делалось ясно, что он – человек-загадка, раз дали ему такое имя. Однажды спросили: «А как же по батюшке?» – «А у нас без батюшек», – таинственно намекнул Итон на нездешние корни. Так и привыкли в тусовке – есть такой Итон, стильный, много не говорит, не врет, всем вокруг интересуются. Как неродной.

Он и был им неродной, из Белгородских меловых карьеров. И хоть отчество у него имелось – Иванович, отца он ни-

когда в жизни не видел, да и не мог видеть, его просто не было вообще. Мама рассказала ему по-дружески все про себя и про него – стесняться ей было нечего – она удачу свою воспевала и смекалку, а не позор.

Никто ее в молодости не любил, потому что она была некрасивая, а ей хотелось ребеночка, ужасно хотелось. Она уж и наряжалась по-всякому, и губки бантиком красила, и брови выщипывала, и на химический перманент тратилась. Но робость мешала. В компаниях зажметесь в каком-нибудь уголке и сидит. Никто на нее и не глянет. И вот прокатились двадцать девять лет ее никого не привлекавшей жизни. Почти тридцать. После тридцати пойдет четвертый десяток, совсем чуть-чуть до бабушки. Эта навязчивая мысль прицепилась, как сырая глина во время осенней распутицы к башмакам, – не отдерешь. От отчаяния и ужаса перед подстерегающей у порога старостью решилась она на небывало мужественный шаг.

К подружкиному мужу приехал младший брат – новоиспеченный лейтенант. Следовал к месту службы и остановился на одну ночь. Все как следует выпили на радостях, и лейтенант стал хвастаться, что теперь – все, прощай холостая жизнь, сейчас вот обоснуется на новом месте, приедет невеста.

– Красивая, – вздыхал, сам себе завидуя, – вот такая же вот кудрявая, как она.

И кивал на Тоню. И все согласно кивали по-пьяному, что,

дескать, да, тогда – ясное дело – красивая. Тут Тоня и поняла, что сейчас – или-или. Или будет у нее ребенок от любимого человека, который впервые в жизни ее красивой назвал, или она распоследняя дура, и пеняй тогда на себя. Все еще немножко выпили и позабыли про лишние детали жизни. Тогда она взяла лейтенанта за руку и увела в подругину спальню. Дверь на ключ замкнула, хотя все равно никто бы не пришел – водки на столе было еще много, да и компания вся была семейная, солидная, никому по углам целоваться уже надобности не было. Лейтенант был молодец. Сразу все понял. Налетел, как вихрь. И все называл ее Наталочка, Наточка. Для самоуспокоения, скорее всего. Не такой уж он был пьяный, чтоб Тоню от далекой невесты не отличить.

Все было очень-очень хорошо. Когда единственный ее любимый уснул, она быстренько оделась, поцеловала его на прощание и погладила по светлым волосам. Благодарила за будущего ребеночка, уверена была, что все будет как в сказке, – по ее велению, по ее хотению.

Ее отсутствия никто и не заметил. А вот Ваню хватились: – Куда подевался?

– Да спит, уморился, весь день в дороге. Пусть спит, – постановил старший брат.

Она еще посидела со всеми, тихо переживая свое счастье, да и дома потом всю ночь не спала, все вспоминала, как он называл ее красивой, как крепко обнимал. Радовалась, что оказалась такая смелая и сделала, как захотела. Успела до

тридцати, до старости.

Как только Тоня поняла, что беременна, легко нашла учительскую работу в другом поселке, учителей младших классов не хватало, а у нее уже был десятилетний стаж, опыт. Получила от совхоза домик, завела хозяйство, маму перевезла. Но даже ей, маме своей, не сказала, чей Игорек, – зачем? Зачем Ване неприятности? И Наталочке его? Они-то в чем виноваты?

Жаловаться на судьбу было нечего – они тихо и хорошо жили. Игорек у мамы своей учился в младших классах, никто его не обижал. У них был сад, огород, коза, кролики, куры. Все эти живые были первыми и лучшими Игорьковыми друзьями – козочка родилась, когда он учился ходить, и они вдвоем понимали, что они – дети, и мир больших им радуется и умиляется. Куры быстро вырастали большими из пушистых желтых писклявых шариков. Крольчата рождались слепенькими, маленькими, как мышки. Их мама-крольчиха перед тем, как выпустить их на белый свет, выщипывала из себя пух и устраивала им теплую постельку, мальчик приносил ей вату, ему было страшно, что она так больно себе делает и что ей-то самой будет холодно теперь. Крольчиха, хоть вату и брала, все-таки продолжала самозабвенно надирать из себя пух для новорожденных.

Бабушка объясняла: «Мать всю себя для ребенка не пожалеет, все отдаст, что там пух – ей для маленьких жизни не жалко».

Тогда мальчик начинал жалеть и свою маму, и мамину маму – бабушку. Они живут по какому-то особому закону, они к себе беспощадны, им лишь бы устроить тепло и покой тому, кто дороже для них самой жизни. Он их любил и уважал, и понимал, что раз так все устроено в мире, его дело – принимать их заботу, брать всю любовь, которую ему дают одинокие женщины, созданные, чтобы быть матерями не один раз в своей жизни и женами не на одну-единственную ночь. Одному мальчику вряд ли нужно такое море нерастраченной любви. Крольчата подрастали, открывались их глазки, и они навсегда вылезали из нащипанного матерью пуха. Крольчиха равнодушно давала убрать этот ненужный уже ее детям пух из клетки. Цыплята становились белыми и пестрыми курочками-подростками, и мать-курица, зорко следившая за каждым чадом, успокаивалась и начинала жить своей жизнью. Взрослое существование живности никого уже не умиляло и не приводило в нежный восторг. И только человеческие матери с годами не остывали, а, напротив, все больше любовались, все большие жертвы приносили своему ненаглядному творению.

Мальчик был уверен, что именно так и должно быть. От кого ему было научиться, как быть мужчиной? Он умел быть маленьким, умел принимать заботу, умел любить тех, кто его любит. Много это или чего-то не хватает? Как знать...

После школы свято верующие в способности и исключительность Игорька мама с бабушкой снарядили его в Моск-

ву – учиться. В бесплатный институт он не попал. Срезался на первом же экзамене. Кто мог подумать, что в этом городе окажется столько умных, которые знали все, о чем он даже не догадывался, что это знать нужно. Он лишился веры в себя (но не любви к себе). И хоть город многое в нем сокрушил, покинуть его ошеломленный Итон был не в силах. Чуть-чуть подзарабатывал то здесь, то там. Втянулся в ночную жизнь. Хорошо было ввалиться в клуб, встретить знакомых, поорать сквозь грохот музыки про дела или мысли, которые недавно пришли на ум. Тяжелее всего обстояло дело с жильем, но и тут выручали клубные знакомства: то кто-то уезжал на месяц и оставлял ключ от комнаты в коммуналке, то у кого-то родители отбывали в загранку, одному скучно – можно пожить вместе.

Оставаясь внутри маленьким, он умел жизненную игру повернуть в свою сторону, сделать так, чтобы о нем заботились, жалели, помогали. Главное, никому не говорить о сокровенном: о младшеклассной учительнице-матери, копании в земле и курятнике, о простой жизни, когда на завтрак – стакан козочкиного молочка с хлебушком, на обед – мятая картошечка, на ужин – макароны с засоленным бабушкой огурчиком. Все это было постыдно обыкновенно.

Он говорил: «Наверное, в прошлой жизни я был вегетарианцем, так что в этой – стремлюсь наверстать упущенное». И его угощали стейком или фуагра, или... – да мало ли в этом чудо-городе еды с непонятными названиями для самых

обычных вещей: мяса или гусиной печенки.

Мама самоотверженно велела: «Сиди в Москве. Там тебя никто не знает, в армию не заберут. Возможности там какие – с твоими-то способностями рано или поздно...» Но у него чего-то не получалось – ни рано, ни поздно. Не знал, с чего начать, куда ткнуться. На простую работу – унижительно, что он, последний деревенский алкаш – снег разгрести, да и как скажешь друзьям-студентам. Это им, городским везунчикам, такая работа не в лом, потому что экзотика. Он давно еще читал, что в Америке даже дети миллионеров работают в каникулы какими-то там подстригателями газонов или официантами, чтобы на карманные расходы у родителей не брать. Будь он сын миллионера, он бы тоже азартно вкалывал на временном быдляцком поприще – это была бы игра, спектакль, веселые каникулы. А если ты по-настоящему никто? Это же самоубийство – всенародно подтверждать такое, не имея при этом сытой миллионерской уверенности в то, что все понарошку.

Для непростой работы требовалось нахальство, напор, навыки городской жизни. Никому он не был нужен на непростой-то работе, и без него охотников пруд пруди. И мамини жалкие денежки стыдно было брать – отдавала последнее, но он был уверен – ей это нравится, это закон ее жизни. Тот самый крольчихин пух. И жалко ее, но сама она иначе не может. Значит – так и надо.

Так ему и жилось.

И тут появилась она. В этой несчастной кафешке. С какими-то двумя бляшками, которые выглядели вполне энергично и свежо – видно, ночь спали как паиньки. Невероятная девушка, ни на кого не похожа, с другой планеты. Хотя смеялась со своими спутниками по-земному. И по-земному сказала: «Жрать хочу, как животное». Но есть почему-то не стала, взяла только чай.

– А я ее знаю, – донесся до него сонный голос приятеля. – Недавно для журнала снимал.

– Фотомодель? – равнодушно выговорил Итон.

– Не-а. Музыкантка. По всему миру ездит. Звезда.

– Поет, что ли?

– Да нет, на скрипочке. Классика. Здорово у нее получается, я слушал.

Он помахал инопланетянке своей грубой лапищей. Та запросто подседа к ним и стала деловито обсуждать собственные фотографии в журнале: вот той довольна, та – просто ужас.

Пахло от нее весенним садом. Липой цветущей. Черемухой. Пальчики длинные, тоненькие. Ложку держит не как все. И голову наклоняет, как птиченька. Глянула на него вопросительно.

– Вот, познакомься, мой коллега, – щедро представил Итона известный фотомастер.

– О-о-о! – уважительно пропела звездная девушка.

– Итон.

– В каком смысле?

Надо же, и она, как и все, как отзыв на пароль, задает дежурный вопрос.

– В самом прямом, – последовал обычный ответ.

Сейчас спросит про отчество, – знал уже Итон, готовый, как старый актер, на автопилоте провести свою роль.

Но вышло иначе.

– Тогда РАМ, – пожав плечами и улыбаясь, выговорила она непонятное.

– То есть?

– Что значит «то есть»? Вы говорите, что кончили Итон. У нас теперь, очевидно, вместо имени называют учебное заведение. Как на встрече выпускников дорогостоящих американских вузов. Сказал «Гарвард», и сразу понятно – стоишь миллион. Итон – тоже не бледно.

– А ваша эта – Рама? В Индии учились? – нашелся он, пораженный открытием, – вот почему все удивлялись его имени, смеялись, наверное, за спиной – ничего себе имечко у придурка.

– В Российской академии музыки, – миролюбиво пояснила она. – А зовут меня Антония, Тоня.

Мама! Почти мама. Та – Антонина. Но обе – Тони. Он думал, в городах так не называют.

– А он – Итон. Имя его такое, – втолковал фотограф маминой тезке.

– Ой, простите меня, пожалуйста, – девушка закрыла лицо

своими тонкими пальчиками. – Не обижайтесь, ладно?

Они улыбнулись друг другу, и улыбки, как это часто бывает у людей, пообещали какое-то прозрачное родство, что-то еще, чего так ищет одинокая душа, на что надеется даже в самом горьком отчаянии. Они ждали любви и влюбились.

Почему судьба толкает друг к другу совсем непохожих? Есть ли в этом хоть какой-то резон, кроме слепого, случайного, жестокого опыта? Какой естествоиспытатель, с какой вышины следит за исходом эксперимента? Чем награждает выстоявших?

Ей он рассказал все. Про маму. Как та кричит по телефону, чтоб он берег уши и носил шапочку, потому что в Москве северный ветер, она по радио слышала. Это она из-за кошки. Их кошка однажды зимой отморозила кончики ушек, и стали они у нее кругленькими, как у плюшевого мишки, а мама с тех пор боится за Игорька. Он рассказал про весенний ручей в овраге за их домом, про то, какое счастье обещает бегущая талая вода, как она пахнет землей и солнцем. Про аиста, который, ослабев, отбился от стаи и доверился людям. Как тот стучал своим длинным клювом в их дверь, когда хотел есть или общаться. Он говорил, как ему одиноко в этом городе, как он теперь не понимает – зачем все это: столько больших домов понастроили на земле, столько детей матери нарожали, куда все спешат, и почему зимнее московское небо одного цвета с землей, и почему в городе весна пахнет бензином и тоской.

Тоше тоже было что рассказать. Она тоже истосковалась. Она была совсем-совсем одна. Без папы и без мамы. Некому было сказать: «Ну-ка, повяжи шарф, без этого на улицу не пойдешь...» или: «Не ешь мороженое, аппетит перебьешь, сейчас обедать будем». Как же она тосковала по занудливой родительской чепухе, от которой страдали ее подружки с нормальным, не сиротским мироощущением.

Шестьдесят восемь и сорок три – вот сколько было ее папе и маме, когда они встретились и полюбили друг друга. Для каждого из них это была последняя любовь, прощальная.

Тоша – нечаянное счастье, родилась через два года как подтверждение их редкого, суеверного, отчаянного чувства. У родителей хватило ума не обрушить на детскую душу шквал своей восхищенной нежности. Воспитывали ее в любовной строгости, зная, что большую часть жизни придется их девочке пройти самой, без спасительного тыла родительских забот за спиной. С четырех лет, обнаружив способности к музыке, ее стали учить игре на скрипке. С этого же времени три раза в неделю в дом приходила англичанка Фаина Семеновна. Детские дни проходили в трудах, вскоре ставших смыслом и радостью жизни. Давно замечено, что поздние дети зачастую почему-то серьезнее и ответственнее своих сверстников, может быть, к моменту их зарождения из родителей уже выветривается вся юношеская дурь, зато ребенку передается обретенная опытом стойкость и мудрость. Отец ее – известный режиссер, свято веривший в спаситель-

ную праведность труда, ежедневным своим примером показывал дочери, что путь уважающего себя человека один – самозабвенная работа на выбранном поприще, без хныканья и нытья. Его ежедневное прощание с девочкой звучало так: «В поте лица будешь добывать хлеб свой». Она понимала все по-детски буквально: не оставляла занятий, пока действительно не выступал пот. Детские уроки не забываются. Росинки трудового пота давали ей право на еду – это она усвоила навсегда.

Когда подружки в школе, зная, кто ее отец, понимающе кивали вслед ее успехам – ну, с тобой-то все ясно, Тоша начинала постигать, на какое одиночество обрекает человека известность. Она возненавидела славу. Ничего, ничего никому не ясно. Знает кто-нибудь, что это такое – отсутствие малейшего сострадания со стороны того, кого уверенно называл другом, в случае полного бесповоротного успеха – как человеку трудно разделить не горе, а радость, как он на время исчезает, чтобы пережить уколы зависти, что ли? Или недобрые слова, которые обязательно доходят до того, о ком были сказаны, обросшие зловонной бижутерией пошлости «испорченного телефона»? Как научиться ничего не замечать, не срывать, всех понимать и прощать... Как же надеешься на этом фоне на семью – на тех, кто, как часть самого себя, не предаст, не осудит, кто знает, как все по-настоящему дается.

Тоша была человеком домашним. Она ценила общество

родителей, словно предчувствуя грядущее одиночество. Какое блаженство – узурпаторски втиснуться между ними, сидящими рядом, и повторять, как заклинание, магические слова: папа и мама.

Папа покинул их, когда ей исполнилось восемнадцать. Ушел, как праведник, – уснул и не проснулся. Он прожил долгую жизнь, но к расставанию с ним жена и дочь готовы не были – ни малейших признаков стариковства, бодрый, молодой, ни на что никогда не жалующийся, он не дал ни мельчайшего повода к беспокойству. Тем сокрушительнее оказалась эта внезапная потеря.

Не стало мамы – прежней: счастливой, веселой, доброй, уютной. Ее душа рвалась вслед за мужем, натыкалась на несокрушимую преграду, раненная, возвращалась назад и снова билась, билась, как пленная птица о стекло, в надежде выхода в бесконечность. Все ее существование превратилось в циклический поиск разгадки нескольких терзающих вопросов: «Почему, почему он ушел один, ведь мы должны были вместе?» и «Как же это, что я ничего не почувствовала вечером, что мы с ним – в последний раз?» и «Что же я спала и не слышала его последнего дыхания?».

Часами стоя у окна, вглядываясь в нависающие бесформенные тучи, она вдруг начинала по-детски жаловаться – так маленькие просят избавить их от страшного наказания: «Ну, пожалуйста, пожалуйста, ну возьми меня к себе, ну, пожалуйста, прости меня, мне надо к тебе, умоляю тебя, пожа-

луйста». Она совсем отвернулась от жизни, упрекая небо в своей оставленности.

Бездонная высота не прощает отчаявшихся. Самоубийственная предательская слабость, чрезмерная привязанность к тому, кто не создан вечным, капризное настойчивое нетерпение человека, привыкшего быть любимым и опекаемым и не желающего смириться с потерей, лишь усугубили трагедию – семья перестала быть семьей, распалась на две отдельно страдающие человеческие единицы. Мать жила своим прошлым, утраченным земным раем. Тоша обязана была строить свою жизнь, не отступая от давным-давно обозначенной линии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.